

Е. В. Болгова

Мурманский арктический государственный университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

Образ человека в зооморфной картине мира: языковые проявления антропоморфизма vs зооморфизм*

Актуальность работы обусловлена непреходящим стремлением ученых исследовать языковую картину мира конкретного языка как часть его культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка. Цель работы состоит в анализе взаимодействия процессов антропоморфизма и зооморфизма в семантической структуре лексического значения зоонимов русского языка. Объектами исследования являются зоонимы тематической группы «Морские млекопитающие». Источники исследования — 23 словаря современного русского языка, в том числе толковые словари литературного и субстандартного языка, словари сравнений, а также тексты, взятые из Национального корпуса русского языка. Впервые системно описаны антропологические признаки зоонимов современного русского языка с точки зрения векторов «язык → речь», «норма → узус».

Результаты исследования. Рассмотрены положения антропоцентрического подхода к языковым явлениям и доказано, что антропоцентрический подход при этом позволяет по-иному взглянуть не только на процесс языковой номинации, но и на ее результат — специфику семантической структуры данной группы лексики. В настоящем исследовании используется семантико-прагматический подход к исследованию зоонимов, предполагающий такой анализ слова, который обнаруживает не представленные в словарном толковании антропологические признаки зоонима как результат его функционирования в современной речевой практике. Показано, что в списке признаков, актуализированных в речевой практике носителей русского языка, представлены компоненты, которые не являются истинными признаками животного, а являются качествами, сформированными на основе результатов человеческой деятельности, в чем и заключа-

---

© Болгова Е. В., 2021

* Статья была представлена на XV Международной научной конференции «Семиозис и культура: современные культурные практики» (28—29 мая 2021 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

ется диалектика взаимоотношений антропоморфных и зооморфных черт семантических отношений в языке.

Ключевые слова: антропоцентризм, зооморфизм, зоонимы, метафора, антропологический признак, речевая практика.

E. V. Bolgova

Murmansk Artic State University, Murmansk, the Russian Federation

The Person's Image in a Zoomorphic Worldview: Language Instances of Anthropomorphism vs Zoomorphism

The relevance of the work is due to the enduring desire of scientists to explore the linguistic picture of the world of a particular language as part of its culture, closely related to the traditions of the people and the linguistic competence of a native speaker. The aim of the work is to analyze the interaction of the processes of anthropomorphism and zoomorphism in the semantic structure of the lexical meaning of the zoonyms of the Russian language. The objects of research are zoonyms of the thematic group "Marine mammals". Sources of research are 23 dictionaries of the modern Russian language, including explanatory dictionaries of the literary and substandard language, dictionaries of comparisons, as well as texts taken from the National Corpus of the Russian language. For the first time, the anthropological signs of zoonyms of the modern Russian language are systematically described from the point of view of the vectors "language → speech", "norm → usus".

Results of the work. The provisions of the anthropocentric approach to linguistic phenomena are considered and it is proved that the anthropocentric approach at the same time allows you to look differently not only at the process of linguistic nomination, but also at its result — the specifics of the semantic structure of this vocabulary group. The present study uses a semantic-pragmatic approach to the study of zoonyms, which presupposes such an analysis of a word that reveals anthropological features of a zoonym that are not represented in the dictionary interpretation as a result of its functioning in modern speech practice. It is shown that the list of features actualized in the speech practice of native speakers of the Russian language does not represent the components that are not primordial features of an animal, but includes the qualities formed on the basis of the results of human activity, which is the dialectic of the relationship between anthropomorphic and zoomorphic features of semantic relations in the language.

Keywords: anthropocentrism, zoomorphism, zoonyms, metaphor.

Введение. В современных гуманитарных исследованиях давно принят за основу тот факт, что человек – мера вещей научного познания. Антропоцентрическая парадигма предполагает, что в осно-

ве мироздания стоит человек, который не просто уподобляет окружающий мир своему образу и подобию, но и в окружающем мире ищет черты, приспособленные к его нуждам и потребностям.

Соотношение человека и окружающего его мира (космоса) нашло отражение в описании таких процессов, как антропоцентризм, биоцентризм и экоцентризм. В работах ученых, начиная с античности, выделяется антропоцентрический (антропоцентричный, антропологический) подход, который считает человека самым интересным объектом исследования. По мнению древних, интереснее человека нет ничего (см. об этом, например: [1]). Идея превосходства человека над природой породила противоположный подход — биоцентризм, который подразумевает идею освобождения природы от человеческих притязаний на господство (см., например: [2]). Кроме того, в истории науки и развития человеческой цивилизации исследовательская мысль выходит за рамки сравнения двух противоположностей и пытается, с одной стороны, концептуализировать экологическую ответственность с позиций этики, а с другой — вернуть человека в сферу общественного бытия и целостного мировосприятия. Поэтому в научной среде обсуждается, с одной стороны, соотношение антропоцентризма, биоцентризма и экоцентризма (см., например: [3]), а с другой — антропоцентризма и антропокосмизма (см., например: [4]). В любом случае человек является звеном процесса и при анализе явлений, особенно языковых, превалирует идея его самоидентификации как *Homo sapiens* и представителя этноса.

В исторической динамике отношений человека и животного мира отмечаются две тенденции, которые проявляются и в современных культурных практиках, — это антропоморфизм (наделение человеческими свойствами животных) и зооморфизм (наделение людей свойствами животных). Граница между этими тенденциями достаточно зыбка, что проявляется в создании термина «анти-антропоморфизм» в значении «уподобление человека животному» [5, с. 16], а также в констатации глубинной «очеловеченной» связи между признаками в языковой метафоре, построенной по модели «животное → животное» [6, с. 97].

Древние антропоморфные и зооморфные представления, как утверждают исследователи, актуализируются в современную эпоху в новых формах культурных практик. Так, одним из проявле-

ний зооморфизма в современном обществе является движение фриков, а антропоморфизма — «очеловечивание» домашних питомцев (наличие гостиниц для животных, магазинов одежды, аксессуаров, парикмахерских и т. д.) (см., например: [7]). Актуализация этих противоположных, на первый взгляд, тенденций в языковой культурной практике особенно востребована в связи с усилением позиции гуманистических идей. В этом состоит актуальность настоящей работы.

Гипотезой исследования можно считать утверждение о том, что в процессе функционирования зоонимов в переносном значении в современном русскоязычном дискурсе проявляются и антропоморфные, и зооморфные тенденции.

Цель работы — проанализировать проявления антропоморфизма и зооморфизма в семантической структуре лексического значения зоонимов русского языка в процессе речевой коммуникации. Объект — зоонимы современного русского языка. Предмет — функционирование зоонимов русского языка в современной речевой практике носителей языка. Материал и источники исследования — 150 сочетаний с зоонимами русского языка тематической группы «Морские млекопитающие», отобранных методом сплошной выборки из словарей современного русского языка [8; 9; 10] и Национального корпуса русского языка [11]. «Русский семантический словарь» в группе «Китообразные, ластоногие, сирены» выделяет 15 названий животных: *белуха, дельфин, дюгонь, единорог, кашалот, кит, косатка, котик, крылатка, ламантин, морж, нарвал, нерпа, сивуч, тюлень*, не считая таких составных названий, как *морская (стеллерова) корова, морской заяц, морской лев, морской леопард, морской слон* [9, с. 426—427]. Тем не менее в качестве объекта исследования Е. Е. Юрков отбирает только три из них: *кит, морж и тюлень* [12, с. 241]. Отбор лексем ученый объясняет тем, что данные лексемы имеют образные переносные значения. Такие значения могут быть зафиксированы современными словарями, а могут быть не зафиксированы. Но в таком случае лексемы обладают переносным значением, отличающимся достаточной воспроизводимостью в современном словоупотреблении [12, с. 146]. Новизна работы состоит в анализе проявлений коннотации в речи, которые обычно не фиксируются словарями, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания. Новизной работы яв-

ляется также утверждение, что в процессе функционирования зоонимов в переносном (метафорическом) значении в современной русскоязычной практике выявляется взаимодействие антропоморфных и зооморфных тенденций.

Методы исследования, теоретическая база. Методы исследования — семантико-прагматический метод и компонентный анализ. Основным подходом в работе является семантико-прагматический метод, под которым понимается такой анализ семантической структуры слова, который обнаруживает характер отношений говорящего к описываемой словом действительности и к адресату сообщения. Использование семантико-прагматического подхода в нашем понимании непосредственным образом связано с той методикой компонентного анализа, которая определяется как «синтагматический путь». В отличие от «парадигматического пути», который представляет собой компонентный анализ слова вне его употребления, используемый в настоящем исследовании компонентный анализ — это компонентный анализ слова в речи. При изучении семантической структуры слова синтагматическим путем учитывается, прежде всего, контекст и ситуация, а также дистрибуция (непосредственное окружение слова) [13, с. 135].

Известно, что метафорическое значение зоонимов привлекает внимание исследователей языковой картины мира, проблем культурной идентичности и национальной специфики поведения.

Разнообразие наименования компонента семантики зоонимов при обозначении человека отражает его терминологическую неустойчивость. Этот компонент называют антропологическим, антропонимическим [14, с. 1459], антропоориентированным [15, с. 12], отражающим антропоцентрическое значение [16, с. 34—35]. В существующих толковых словарях отсутствует последовательность не только в том, как подавать это значение (за арабской цифрой или за графическими знаками // или ſ), но и как определить статус компонента (отдельное значение или его оттенок). Различны и стилистические характеристики этого значения. Даже само название лексемы вызывает вопросы у исследователей: называть ее отдельным термином (зоосемизм, зооморфизм) или сохранить за прямым и переносным значением слова одно название – зооним.

Словарная статья зоонима представлена двумя типами номинаций: первичной (прямое значение) и вторичной (переносное, метафорическое значение). Структура обоих значений содержит денотативный компонент: в прямом значении — это описание животного, в переносном — значение «о человеке». Коннотативный компонент прямого значения состоит, по мнению некоторых ученых, в смысловых ассоциациях, связанных с данным животным в сознании человека [16, с. 31]. Коннотацией лексемы Ю. Д. Апресян называет несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта [17, с. 159—160, 163]. Коннотативный компонент переносного значения («о человеке») заключается в оценочных и эмотивных компонентах.

Поскольку вторичная номинация имеет черты метафоры (метафорического значения), есть смысл говорить о семантических признаках, лежащих в основе метафорического переноса. Эти семантические признаки (компоненты) чаще всего не фиксируются словарными дефинициями, но регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова. Их некоторые ученые называют психологически реальным типом значения [18, с. 172]. Поэтому логично предположить, что данные признаки, актуализированные в определенных контекстах (функционирование в речи, сравнительные обороты, сочетаемость с определенным атрибутом, прозвища, вокативы, метафорические сочетания, фразеологизмы), относятся не к коннотативному компоненту лексического значения зоонима — «о человеке», а к его денотативному ядру. Ю. Д. Апресян также считает, что несущественные признаки составляют семантическое ядро переносных значений слова [17, с. 160].

Результаты исследования и их обсуждение. В словарных толкованиях зоонимов *кит*, *морж* и *тюлень* представлены следующие метафорические значения: *морж* — 1. крупное морское ластоногое млекопитающее с короткой шерстью, большими клыками и длинными усами; 2. любитель зимнего плавания в открытых водоемах [10, Т. 2, с. 299]; *кит* — 1. крупнейшее морское млекопитающее; 2. одно из главных или наиболее важных лиц в каком-либо деле, деятельности, на которых это дело держится (от старинного представления, что земля держится на трех китах) [10, Т. 2, с. 52]; *тю-*

лень — 1. морское ластоногое млекопитающее; 2. о неуклюжем, неповоротливом, нерасторопном человеке [10, Т. 4, с. 434].

Несмотря на разницу в словарной формулировке переносного значения («человек» (*морж*, *кит*) и «о человеке» (*тюлень*)), все три лексемы в этом значении осознаются как метафоры, в которых в качестве метафорического признака выступают компоненты «плавать» (*морж*), «большой, крупный, важный» (*кит*) и «неуклюжий» (*тюлень*). Эти признаки можно расценить как коннотативные: они устойчивы, регулярны, представлены в словарях и осознаются всеми носителями русского языка. Это, по И. М. Кобозевой, языковые проявления коннотации в отличие от ее речевых проявлений [19, с. 92—93].

В речевой практике реализуются семы, которые ученые называют потенциальными (периферийными, латентными). По мнению В. Г. Гака, например, объект именован «поворачивается» к субъекту именованного (лицу говорящему и воспринимающему) разными сторонами, поэтому за одним и тем же обозначением могут скрываться разные аспекты поведения данного объекта. Эти признаки объекта, имеющие второстепенное значение для его общей идентификации, отражаются в виде потенциальных сем [20, с. 87].

Так, для зоонима *кит* при основном признаке «крупный, важный» в текстах встречается реализация потенциальных признаков «всасывающий воду», «беспомощный на суше», «издающий своеобразные звуки (выть, сопеть, вздыхать)». Для лексемы *морж* потенциальными признаками выступают «спокойный», «большой, крупный, грузный, толстый», «холодный», а для лексемы *тюлень* — «ленивый», «добрый», «дрессированный», «издающий своеобразные звуки (фыркать, отдуваться)».

См. примеры: *Он был такой большой и хороший, такой беспомощный, как кит на суше* (Е. Завершнева. Высотка); *Он лежал как кит, выбросившись в смертной тоске на берег океана: хоть оттащи его обратно в волны, он выбросится опять* (А. Рекемчук. Мамонты); *Я читаю книги кубометрами, как кит, всасывающий морскую воду и почти всю ее выпускающий обратно, чтобы оставить внутри, на усах, самую малость того, чем он питается, – процент правды* (И. Грекова. Без улыбок); *И неплохо, верно, справлялся, потому что в конце концов бригадир, Егор Афанасьевич – здоровенный мужик, спокойный как морж – сказал...* (В. Голованов. Остров, или Оправда-

ние бессмысленных путешествий); *Ну я как морж: пофыркал да и выбрался на берег* (В. Гуков. Отогревающие Арктику); *Воевода равнулся от жены, сбросил шубу на руки рассыльного, сбросил валенки, длинную фланелевую рубашу (больше ничего на нем не было), перекрестился и, загоготав, скакнул, как грузный морж, в прорубь...* (В. Шишков. Емельян Пугачев); *Севастопольский ополченец Павел, сероглазый и пухлый, как добрый тюлень, в очередной раз едет в Симферополь на митинг с возможной дракой* (Ю. Гутова. Родина и родина); *Он нырял под волну, фыркал и отдувался, как тюлень; с удовольствием спугнул завизжавшую толстуху* (Е. Велвистов. Глоток солнца).

Таким образом, к общим потенциальным семам зоонимов данной тематической группы относятся компоненты, характеризующие животного по его поведению / характеру и специфике издаваемых звуков. Особо следует отметить, что при общих отличительных особенностях этого вида морских животных (*кит* – крупное морское млекопитающее с рыбообразным телом; передние конечности — плавники, задние отсутствуют; *морж* — крупное морское ластоногое млекопитающее с толстой кожей и короткой шерстью, с длинными клыками и усатой мордой, распространенное в арктических морях; *тюлень* — морское ластоногое млекопитающее, распространенное преимущественно в приполярных широтах, являющееся объектом промысла (мясо, кожа, жир) [8, с. 59]) интегральные (языковые) и потенциальные (речевые) признаки подчас не совпадают. Так, для лексемы *морж* языковым проявлением коннотации является признак «плавать в холодной воде», а речевым — «большой, крупный». Для лексемы *кит* этот речевой признак («большой, крупный») является языковым проявлением. При этом речевые коннотативные признаки имеют, по нашему мнению, разную сущность: одни из них являются проявлением антропоморфизма, а другие имеют более сложный статус, который мы назвали проявлением зоантропоморфизма. Поясним на примере зоонима *тюлень*.

Признаком лексемы *тюлень*, который обнаруживается в глубинном смысле этого слова, является компонент «дрессированный» (см. пример: *Ну та, как дрессированный тюлень, закивала башкой, потом выкатила глаза из орбит и стала мне чрево вещать, что прививки делать НАДО* (коллективный. Форум: Прививкам НЕТ!!! (Опыт в г. Севастополь)).

Этот случай подтверждает идею, высказанную Г. Н. Скляревской, о том, что метафора может быть обусловлена усложненным, сдвоенным семантическим преобразованием. Суть его состоит в том, что, закрепившись в языке как характеристика человека — носителя тех или иных качеств (свинья – неблагодарный, лиса — хитрый) — такая метафора употребляется при известном антропоморфизме, когда животному приписываются человеческие качества, почерпнутые из зооморфных характеристик [6, с. 97]. Яркими примерами такого процесса можно считать описанные Г. Н. Скляревской примеры нерегулярного метафорического переноса по модели «животное → животное»: орёл (о коне), лиса (о кошке) [6, с. 97].

В нашем материале встречаются примеры более завуалированного представления этого процесса. Например, «быть дрессированным» не является исконным признаком животного, это приобретенное качество, сформированное на основе результатов человеческой деятельности. То есть сначала животное приобрело это качество благодаря человеку, а потом образное сознание «одарило» этим признаком человека опять.

В этом примере реализуется, по нашему мнению, проявление процесса зооантропоморфизма, то есть специфики зоонимической лексики проявлять одновременно свойства антропоморфных и зоониморфных характеристик.

Заключение. Описание лексической семантики не может быть достаточно полным без обращения к онтологической природе категории лексического значения [21, с. 138—139]. Поэтому в данной работе в процессе исследования закономерностей функционирования лексики в реальных актах общения мы обратились к философским основам взаимодействия человека и мира природы и, как следствие, к природе метафорического переноса в группе слов, обозначающих животных.

Как известно, вопросы теории и практики идентичности не сводятся к процессу саморефлексии, к решению вопроса, кто «Я» и чем я отличаюсь от «Другой». Практики культурной идентичности предполагают осознание человека самого себя как культурного феномена в ином окружении: космосе и природе. В последние годы в отечественной философской антропологии человека рассматривали как историческое создание, а природность человека оказалась

преданной забвению со времени марксистской философии. А человек является особым видом в животном мире, как создание, имеющее культуру [22]. Существенно поэтому определить, как чувствует себя человек в животном мире через призму самого «человеческого» — призму языка.

Многочисленные лингвистические исследования подчеркивают антропоцентрический аспект языка, первостепенную роль человека в представлении о мире посредством языка, при формировании поведения, в том числе речевого. Тогда как есть теории, указывающие на значение механизма подражания в процессе формирования сознания, указывающие на то, что изначально человек берет модели поведения в природе, а потом уже начинает навязывать ей свою форму [23, с. 4].

В процессе развития вторичной номинации в структуре лексического значения зоонимов современного русского языка произошли изменения, при которых выделялось одно существенное, на взгляд человека, свойство поведения, характера, внешнего вида животного, которое человек «примерял» на себя. То есть человек черпал вдохновение в мире природы, но навязывал ей свою языковую форму. Антропоморфизм (наделение человеческими свойствами животных) проходил параллельно с наделением свойств животных человеку (зооморфизм). Эти процессы проходили не просто генетически параллельно, если основываться на мыслях философов и антропологов, но и в динамике современного состояния языка. Антропоморфная метафора «человек — это животное» [15, с. 12], как и любая метафора, двупланова, то есть имеет свойство быть приложенной к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается [21, с. 202]. Поэтому идеи антропоморфизма переплетаются с явлением зооморфизма. Эта мысль просматривается и в анализируемом в настоящей статье материале: в списке признаков, актуализированных в речевой практике носителей русского языка, представлены компоненты, которые не являются исконными признаками животного, это приобретенное качество, сформированное на основе результатов человеческой деятельности. В этом заключается диалектика взаимоотношений антропоморфных и зооморфных черт семантических отношений в языке.

Библиографический список

1. Прудченко Е. А., Дюпина Ю. В., Дизер Я. Э. История понятия «антропоцентризм» в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 150—154.
2. Шишкина А. А. Основные виды современной экологической этики: антропоцентризм и биоцентризм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. 2014. № 6 (44). Ч. I. С. 202—204.
3. Коваль Е. А. Нормативность экологической ответственности в контексте антропоцентризма, биоцентризма и экоцентризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. 2014. № 12(50). Ч. II. С. 105—108.
4. Беляцкая А. А. Антропоцентризм VS антропокосмизм: к проблеме метода в лингвокультурологии // Язык и культура. 2013. № 3(23). С. 5—23.
5. Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре // Современная русская лексикография. 1977. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 4—19.
6. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
7. Баженова Е. В. Вариации зооморфизма и антропоморфизма в современной культуре // Цивилизационные парадигмы XXI столетия: культурно-ценностные ориентиры : материалы международной научной конференции, Белгород, 01 января — 31 декабря 2017. Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел РФ им. И. Д. Путилина, 2017. С. 145—155.
8. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка, 2002. Т. 1. 807 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981; 1982. Т. 2 К-О. 736 с.; 1984. Т. 4 С-Я. 794 с.
11. Национальный корпус русского языка: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения: 08.02.2021).
12. Юрков Е. Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1—2. С. 431—438.
13. Саматова А. Р. Проблема установления сем при компонентном анализе лексики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 133—136.
14. Чанышева З. З., Асабин Р. К. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической се-

мантикой // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1458—1460.

15. Гулик О. О. Национально обусловленные модели гендерной метафоризации зоонимов в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 26 с.

16. Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование : дис. ...канд. филол. наук. Белгород, 2014. 252 с.

17. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995. Т. II. 769 с.

18. Стернин И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 171—179.

19. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

20. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73—92.

21. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129—221.

22. Егорова И. В. Человек — животное и не только // Философская мысль. 2015. № 12. С. 99—134. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_17508.html (дата обращения: 12.02.2021).

23. Титова Т. А. Антропоморфизм и антропоцентризм как возможность сохранения человеческого в ситуации постчеловечества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4. С. 3—6.

References

1. Prudchenko E. A., Dyupina Yu. V., Dizer Ya. E. History of the concept of “anthropocentrism” in the context of modern reflections on man and civilization. *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, issue 5, pp. 150—154. (In Russ.)

2. Shishkina A. A. The main types of modern environmental ethics: anthropocentrism and biocentrism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 6(44), part I, pp. 202—204. (In Russ.)

3. Koval' E. A. Normativeness of environmental responsibility in the context of anthropocentrism, biocentrism and ecocentrism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology

ogy and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 12(50), part II, pp. 105—108. (In Russ.)

4. Belyackaya A. A. Anthropocentrism VS anthropocosmism: to the problem of the method in cultural linguistics. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2013, no. 3(23), pp. 5—23. (In Russ.)

5. Babkin A. M. Idioms (phraseology) in the language and in the dictionary. *Sovremennaya russkaya leksikografiya* [Modern Russian lexicography]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1979, pp. 4—19. (In Russ.)

6. Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 152 p. (In Russ.)

7. Bazhenova E. V. Variations of zoomorphism and anthropomorphism in modern culture. *Civilizacionnye paradigmy v XXI stoletii: kul'turno-cennostnye orientiry. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Civilization paradigms in the XXI century: cultural and value guidelines. Materials of the international scientific conference]. Belgorod: Belgorodskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del RF, 2017, pp. 145—155. (In Russ.)

8. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms] / ed. L.G. Babenko. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2005, 864 p. (In Russ.)

9. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings] / ed. N. Shvedova, vol. 1. Moscow, Institut russkogo yazyka, 2002, 807 p. (In Russ.)

10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes] / ed. A. Evgen'eva. 2nd ed. Moscow, Russkij yazyk, 1981, vol. 2 K-O. 1982, 736 p.; vol. 4 S-YA. 1984, 794 p. (In Russ.)

11. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 08.02.2021). (In Russ.)

12. Yurkov E. E. Metaphor of the linguocultural code "Animals". *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], 2012, no. 1—2, pp. 431—438. (In Russ.)

13. Samatova A. R. The problem of establishing semes in component analysis of vocabulary. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological Sciences. Art criticism], 2009, no. 7 (188), issue 41, pp. 133—136. (In Russ.)

14. Chanysheva Z. Z., Asabin R. K. Comparative analysis of the lexicographic interpretation of the connotations of zoonyms with anthropological semantics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2009, vol. 14, no. 4, pp. 1458—1460. (In Russ.)

15. Gulik O. O. *Nacional'no-obuslovlennye modeli gendernoj metaforizacii zoonimov v russkom yazykovom soznanii i ih yazykovaya ob"ektivaciya v sovremennoj russkoj rechi. Avtoref. kand. diss.* [Nationally-conditioned models of gender metaphorization of zoonyms in the Russian linguistic consciousness and their linguistic objectification in modern Russian speech. Abstr. cand. diss.]. Nizhnij Novgorod, 2019, 26 p. (In Russ.)

16. Maslov A. S. *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke: eksperimental'noe issledovanie. Kand. diss.* [Zoometaphors-invectives in modern Russian: an experimental study. Cand. diss.]. Belgorod, 2014, 252 p. (In Russ.)

17. Apresyan Yu. D. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1995, vol. II. 769 p. (In Russ.)

18. Sternin I. A. Meaning in linguistic consciousness: specificity of description. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2006, no. 4, pp. 171—179. (In Russ.)

19. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 352 p. (In Russ.)

20. Gak V. G. To the dialectics of semantic relations in language. *Principy i metody semanticheskikh issledovanij* [Principles and methods of semantic research]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 73—92. (In Russ.)

21. Teliya V. N. Secondary nomination and its types. *Yazykovaya nominaciya (Vidy naimenovaniy)* [Language nomination (Types of names)] / ed. B. Serebrennikov, A. Ufimceva. Moscow, Nauka, 1977, pp. 129—221. (In Russ.)

22. Egorova I. V. Human is an animal and not only. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2015, no. 12, pp. 99—134. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_17508.html (accessed 12.02.2021). (In Russ.)

23. Titova T. A. Anthropomorphism and anthropocentrism as an opportunity to preserve the human in the situation of posthumanity. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2012, no. 4, pp. 3—6. (In Russ.)